

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
LIII

АРХИТЕКТУРА ВИЗАНТИИ
И ДРЕВНЕЙ РУСИ
IX–XII ВЕКОВ

Санкт-Петербург • 2010

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ

TRANSACTIONS OF THE STATE HERMITAGE MUSEUM

LIII

ARCHITECTURE
OF BYZANTIUM AND KIEVAN RUS
FROM THE 9th TO THE 12th CENTURIES

Materials of the International seminar

November 17–21, 2009

St. Petersburg
The State Hermitage Publishers
2010

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

ЛIII

АРХИТЕКТУРА
ВИЗАНТИИ И ДРЕВНЕЙ РУСИ
IX–XII ВЕКОВ

*Материалы международного семинара
17–21 ноября 2009 года*

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2010

УДК 72.033.2/(47)«08/13»:063
ББК (Щ)85.11
Т78

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа

Научный редактор Д. Д. Ёлшин

Труды Государственного Эрмитажа : [Т.] 53 : Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII веков : материалы международного семинара : 17–21 ноября 2009 года / Государственный Эрмитаж. – СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2010. 498 с. : ил., XXIV с. цв. вкл. ISBN 978-5-93574-402-3

Сборник статей содержит материалы семинара, посвященного архитектуре Византии и Древней Руси. В статьях отечественных и иностранных авторов (на русском и английском языках) представлены результаты новых археологических и реставрационных открытий, исследования архитектурных форм, рассмотрены вопросы типологии памятников, иконографии и стилистики монументальной живописи, строительных технологий и материалов, проблемы историографии и методики изучения византийской архитектуры. Для статей на английском языке приведены резюме на русском.

Издание предназначено в первую очередь для специалистов.

УДК 72.033.2/(047)«08/13»:063
ББК (Щ)85.11

На обложке: Церковь Панагии Халкеон в Салониках, Греция. Фото М. Каппаса

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР
«АРХИТЕКТУРА ВИЗАНТИИ И ДРЕВНЕЙ РУСИ IX–XII ВЕКОВ»

17–21 ноября 2009 г.

17–21 ноября 2009 г. в Государственном Эрмитаже прошел Международный семинар «Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв.», посвященный вопросам исследования монументального зодчества византийского мира в хронологических рамках средневизантийского периода.

Последний раз конференции с близкой тематикой проводились в Государственном Эрмитаже в 2003 г.: «Проблемы изучения и реставрации памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства» (конференция памяти Г. М. Штендера) и «Архитектура и археология Древней Руси» (конференция к 100-летию юбилею М. К. Каргера), до этого – в 1999 г. проводились II чтения памяти П. А. Раппопорта)*. Круг затрагиваемых тем включал в себя различные аспекты средневекового искусства. В упомянутых конференциях принимали участие ученые России, Украины и Белоруссии. Прошло два десятилетия с момента падения «железного занавеса», но до сих пор научные контакты с иностранными специалистами в области изучения византийской архитектуры имеют эпизодический характер. Более того, в последнее время остро ощущается потеря связей между научными сообществами историков византийской и древнерусской архитектуры в разных городах России. Исследования отечественных ученых редко выходят за рамки локальной и практической проблематики. Вместе с тем современные границы и отношения государств сильно отличаются от средневековых, когда культурные связи внутри византийского мира были весьма ощутимы. Это хорошо понимали отечественные ученые – историки архитектуры и искусствоведы, чьи имена обладают мировой известностью: Н. П. Кондаков, Д. В. Айналов, П. П. Покрышкин, Ф. И. Шмит, Н. И. Брунов.

В программу семинара были включены доклады 39 специалистов: археологов, архитекторов-реставраторов, историков архитектуры и искусствоведов из России, Украины, США, Австрии, Греции, Турции, Болгарии, Сербии. Тематика докладов охватила почти весь географический диапазон архитектуры Византии и ее культурных преемников: от Малой Азии до Новгородской земли, от Северного Кавказа до Адриатики. Научной общественности были представлены как результаты новых археологических и реставрационных открытий, так и исследования архитектурных форм, вопросов типологии памятников, иконографии и стилистики монументальной живописи, строительных технологий и материалов, уделено внимание проблемам историографии и методики изучения византийской архитектуры.

* Средневековая архитектура и монументальное искусство. Раппопортовские чтения : Тезисы докладов. СПб., 1999; Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 34 : Изучение и реставрация памятников древнерусской архитектуры и монументального искусства : Материалы научных конференций памяти архитектора-реставратора Г. М. Штендера (1927–1992). СПб., 2007; Труды Государственного Эрмитажа. [Т.] 46 : Архитектура и археология Древней Руси : Материалы научной конференции к 100-летию со дня рождения М. К. Каргера. СПб., 2009. Из изданий Сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа по близкой тематике см. также: Архитектурно-археологический семинар : Материалы заседания памяти Ю. П. Спегальского (1909–1969). СПб., 2001; Из истории строительной керамики средневековой Восточной Европы : Архитектурно-археологический семинар. СПб., 2003.

Кроме трех дней заседаний, проведенных в помещении Эрмитажного театра, для участников семинара были организованы поездки-экскурсии по памятникам древнерусской архитектуры XI–XIII вв. в Новгороде Великом (19 ноября) и Старой Ладогe (21 ноября).

Предполагается, что проведение подобных семинаров на базе Государственного Эрмитажа станет регулярным и будет способствовать сложению действительно интернационального научного сообщества, даст толчок к выходу на новый виток развития отрасли, традиционной для российской науки.

Оргкомитет приносит благодарность за большую и безвозмездную помощь в проведении семинара специалистам сторонних организаций: С. В. Мальцевой (Санкт-Петербургский государственный университет), И. В. Антипову (Санкт-Петербургский государственный университет, Государственный музей истории Санкт-Петербурга); за проведение экскурсий: С. В. Трояновскому (Центр по организации и обеспечению археологических исследований, Великий Новгород), Т. В. Пинкусовой (Новгородский государственный объединенный музей-заповедник), Б. Г. Васильеву (Староладожский музей-заповедник).

*Заведующий Сектором архитектурной археологии Государственного Эрмитажа,
канд. ист. наук О. М. Иоаннисян*

С. В. Мальцева

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

ЦЕРКОВЬ УСПЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ В СТУДЕНИЦЕ: ВИЗАНТИЙСКИЕ ИСТОКИ И СТАНОВЛЕНИЕ СЕРБСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Церковь Успения Богородицы Студеницкого монастыря имеет исключительное значение для всей сербской архитектурной традиции. Храм строится как задужбина-усыпальница объединителя сербских земель, великого князя Стефана Немани между 1186 и 1196 гг.¹ Затем, после перенесения сюда в 1207 г. мощей св. Симеона Мироточивого (Стефана Немани в монашестве), Студеница становится центром культа основателя сербского государства². Формирование ансамбля завершается в 1234 г., когда пристраивается Радославов нартекс³.

Эти этапы возведения главного храмового комплекса Студеницы отражают основные вехи формирования рашской школы, положившей начало сербской архитектурной традиции. Ее сложение совпадает с эпохой становления независимого Сербского государства. Эти явления оказываются тесно связанными между собой и находят отражение в архитектурной программе храма. Студеницкий храм становится образцом, во многом предопределившим специфику дальнейшего развития сербского храмового зодчества.

Разумеется, этому ключевому памятнику посвящены сотни страниц монографий, отдельных статей, а также разделов в общих обзорах истории сербского и византийского искусства⁴. Серьезным вкладом в решение многих проблем стали публикации материалов международных конференций, посвященных основным темам изучения Студеницы⁵. Проведение междисциплинарных исследований позволило существенно расширить ракурс рассмотрения многих проблемных вопросов. Однако большинство из них по-прежнему остаются дискуссионными. К таковым принадлежит и типологическая классификация памятника. В одних исследованиях храм определяется как базиликальная постройка, при этом высказываются различные гипотезы происхождения данной типологии⁶. Другие исследователи видят в нем крестово-купольную постройку средневизантийского периода⁷. Закономерно, что обоснование типологических определений всякий раз оказывалось в тесной связи с концепциями об условиях и предпосылках формирования региональных архитектурных традиций на сербской почве. Несмотря на то что вопрос об актуальности, сложности и многогранности этой проблемы давно уже поднимался в работах сербских исследователей⁸, он до сих пор продолжает оставаться недостаточно изученным. Характерно, что Студеницкий храм, как правило, не рассматривался в связи с проблемами региональной специфики сербского зодчества. В этом вопросе предпочтение отдавалось более поздним памятникам XIII в. Своеобразие же

Студеницкого храма видели прежде всего в соединении западных и восточных элементов. При этом акценты в оценках то и дело смешались, уточнялись соотношения тех и других компонентов⁹. Архитектуру Богородичной церкви чаще всего непосредственно включают в контекст развития византийского искусства современной ей эпохи¹⁰. Западноевропейские влияния отмечают в декоре и архитектурных особенностях Радославова нартекса. Во многом это справедливо, однако сложение архитектурной программы храмового комплекса Студеницы представляется нам более сложным, многослойным процессом, в котором уже проявились характерные региональные черты, прочно закрепившиеся и получившие дальнейшее развитие в практике рапшской архитектуры. В данном сообщении мы попытаемся выявить в Студеницком храме те элементы, которые стали основными отличительными чертами рапшской школы, и опишем те условия, в которых они появились.

При этом важно отметить, что, анализируя формирование местной региональной специфики на базе византийской основы в качестве исходной традиции, необходимо рассматривать данный памятник не только в контексте эпохи его возведения, но и с учетом логики развития культурно-политических аспектов и архитектурных тенденций как предшествующих, так и последующих периодов.

Обратимся к первому этапу возведения Студеницкого храма. Точное время его строительства неизвестно. Предполагается, что начало осуществления замысла относится к периоду не ранее 1183 г. Во всяком случае, храм был освящен до 1196 г., когда Стефан Неманя переступил его врата уже в качестве монаха Симеона¹¹.

Таким образом, Студеницкий храм – одна из последних масштабных построек Стефана Немани, обладавшая особым статусом задужбины-усыпальницы правящей династии¹². Время возведения храма относится к периоду, когда многое из духовных устремлений и политических инициатив Немани обрело свое воплощение. Стефан Неманя уже давно утвердился на великокняжеском престоле, установил дипломатические отношения с венгерским королем и германским императором и даже поднял меч на византийского императора¹³. Практически завершилось объединение земель с включением приморских областей и перемещением политического центра на рапшские территории. Стефану Немане удалось существенно расширить пределы своего государства за счет византийских земель, добиться мира и признания своего статуса¹⁴. В скором времени последует заключение династического брака его среднего сына Стефана с византийской принцессой¹⁵. Несомненно, что в данном историческом контексте Студеницкий храм приобретает характер декларации, свидетельствующей о независимости и мощи быстро растущего Сербского государства. Это объясняет и необыкновенную значимость храма, и большой масштаб постройки, и ее великолепие, и ориентацию заказчика на лучшие традиции европейской архитектуры того времени, не только Востока, но и Запада.

Помимо стремления к самоопределению вторым важным условием для сложения архитектурной программы Студеницы являлась специфика взаимоотношений с Византией.

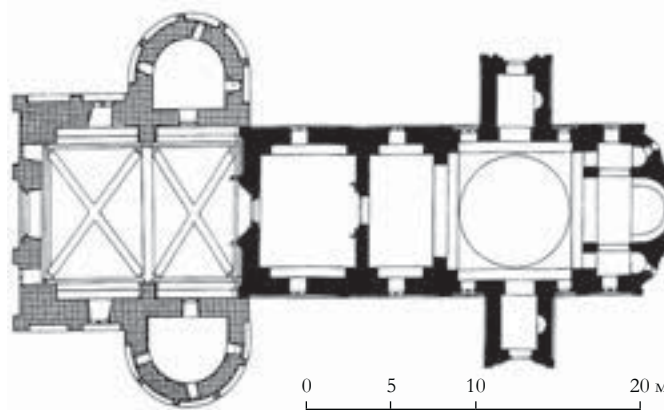
Ситуация многовекового сопряжения и противоборства с державой ромеев, которая к тому времени еще не утратила могущества и силы своего влияния на всю ойкумену, только способствовала глубине восприятия византийской культуры, а следовательно, и возможности свободных творческих интерпретаций. Не удивительно, что в Студенице, где воплощались представления о принципах и иерархии мироздания, основной линией становится византийская.

Ориентация на Царьград прослеживается уже в посвящении Студеницкого монастыря Богородице Евергетиде. Престольный праздник главного храма – Успение Богородицы – также совпадает с константинопольским прототипом¹⁶. Тесные связи сербов с константинопольским Евергетидским монастырем были установлены еще в эпоху самого Немани, а в дальнейшем всегда сопровождались мощным патронатом со стороны династии Неманичей¹⁷. В скором времени и в основу Студеницкого типика будет положен Евергетидский устав¹⁸. В этом, как и в общем характере постройки, явно прослеживается ориентация на византийскую столицу.

Обратимся к самому зданию. Постройка вытянута по оси восток–запад (ил. 1, 2). Выделяется кубический объем наоса, увенчанный большим куполом. С востока примыкает

Ил. 1. Церковь Успения Богородицы монастыря Студеница. До 1196 – 1134 гг. Северный фасад (фото: С. В. Мальцева)

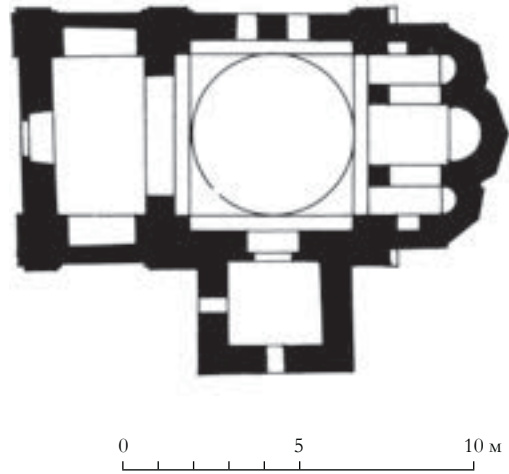

Ил. 2. Церковь Успения Богородицы монастыря Студеница. Конец XII – первая половина XIII в. План (по: Koraić V, Šuput M. *Byzanz: Architektur und Ornamentik*. Düsseldorf; Zürich, 2000. S. 133)

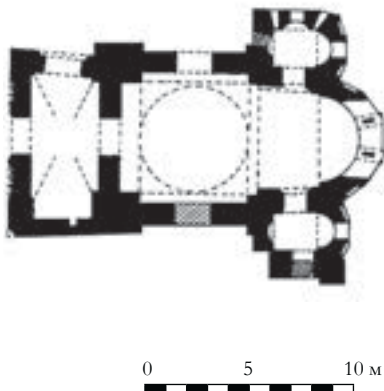
пониженный трехчастный алтарь, а с запада – удлиненный компартимент, включающий в себя два нартекса. Центральную часть фланкируют сильно пониженные вестибюли.

Бесспорно, здесь выделяется византийская основа, хорошо видная в плане. Это так называемый тип слабо выраженного креста, хорошо известный в византийской традиции. Его появление уже отмечалось в ктиторских постройках Немани. Первая из них, стоящая в самом начале сербского зодчества и государства, – церковь Св. Николая в Куршумлии¹⁹ (ил. 3). Храм возводится константинопольскими мастерами в то время, когда Стефан Неманя вступает на арену политических действий при поддержке византийского императора Мануила I Комнина²⁰. Этим объясняется появление на сербской почве данного типа одноконечного храма.

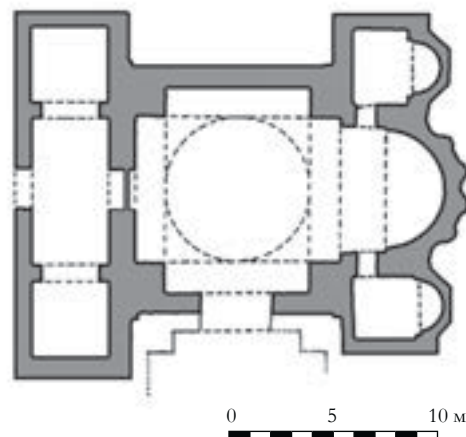
Собственно в константинопольской архитектуре возвращение к активному распространению данного типа построек, по всей видимости, было связано с общей для того времени тенденцией к расширению подкупольного пространства, обозначившейся в XI–XII вв. Из числа хорошо сохранившихся памятников константинопольского круга в качестве близких аналогий постройкам Немани можно назвать церковь Св. Аверкия в Куршунлу (ил. 4) и кафоликон монастыря Хора (ил. 5).

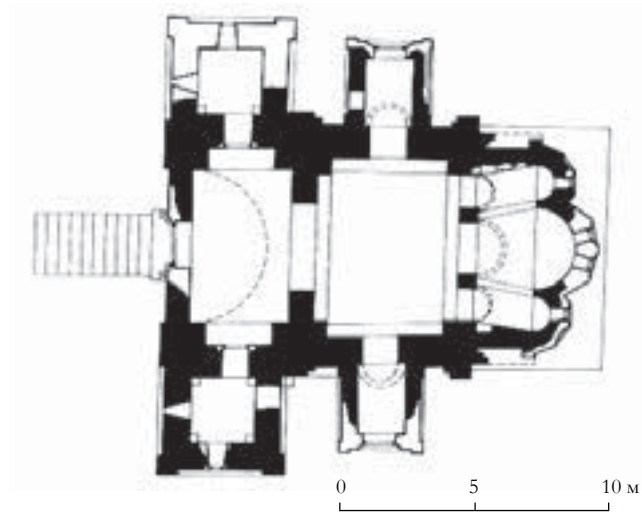
Ил. 3. Церковь Св. Николая в Куршумлии. Вторая половина XII в. План (по: Нешиковић Ј. Ђурђеви Ступови у старом Рају. Краљево, 1984. С. 136)

Ил. 4. Церковь Св. Аверкия в Куршунлу. Середина XII в. План (по: Оустерхаут Р. С. 111^{Б21})

Ил. 5. Церковь монастыря Хора. XII в. План (по: Оустерхаут Р. С. 109^{Б21})

Ил. 6. Джурджевы Ступови.
1171 г. План (по: Korać V., Šuput M.
Byzanz: Architektur und Ornamentik.
Düsseldorf; Zürich, 2000. S. 132)

Общность архитектурных тенденций здесь хорошо просматривается. В сербских храмах заметно то же стремление к расширению подкупольного пространства. Это очевидно прослеживается на примере целого ряда ктиторских построек Немани: церковь Св. Николая в Куршумлии (около 1166), Джурджевы Ступови (1171) (ил. 6), Студеница. Им действительно свойственна сходная организация внутреннего пространства и плана, тогда как во всем остальном они различны.

Отметим, однако, что сербские постройки отличаются от константинопольских. Наос в них не изолирован от нартекса. Граница между ними лишь акцентирована лопатками. С учетом дальнейшей специфики развития сербской архитектуры, на наш взгляд, эта деталь представляется существенной.

Справедливо включая Студеницу в контекст византийской архитектурной проблематики XII в., профессор Остерхут* не рассматривает западный компартимент, предназначенный для погребений, как нартекс. Появление этой дополнительной ячейки он связывает с общей для византийской архитектуры того времени тенденцией размещать захоронения ближе к наосу²¹.

Однако заметим, что такая же трехчастная структура плана свойственна и двум другим предшествующим постройкам Немани (Джурджевы Ступови и церковь Св. Николая в Куршумлии), где в западном компартименте захоронений не выявлено²². Таким образом, дополнительной западной «ячейкой» в Студенице скорее следует считать изолированный экзонартекс, предназначенный для менее значимых погребений, так как именно он отсутствовал в более ранних постройках.

Полагаем, что есть не менее веские основания связывать особую структуру внутреннего пространства сербских церквей с местными традициями. Трехчастная структура храма с четким разделением на алтарную часть, подкупольный квадрат и западную трапею была традиционной и доминировала в архитектуре Далмации в XI–XII вв.²³

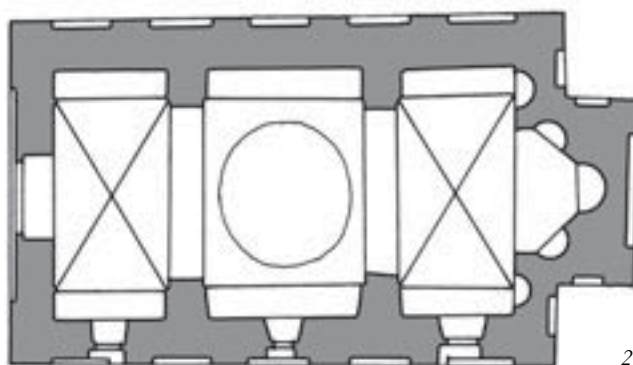
* На письме фамилию Ousterhout, несмотря на ее произношение (Остерхут), правильнее было бы передавать как Оустерхаут. – *Примеч. ред.*

Возможности связей здесь очевидны. Напомним, что приморские земли Далмации и Диоклеи, в том числе и Зета, усилиями Немани вошли в состав объединенного княжества с центром в Раге²⁴. Однако здесь не идет речь о полной преемственности по отношению к типологии приморских построек в качестве основного истока для формирования рапской школы, как это ранее предлагалось в отдельных исследованиях²⁵.

Важно подчеркнуть, что в далматинских однонефных храмах с куполом пространство, разделенное лопатками на три ячейки, развивалось от базилики. Это определенно читается и в объемно-пространственной композиции (ил. 7). В сербских же церквях XII в., близких Студенице, организация пространства и плановая схема исходят от центрального типа крестово-купольного храма. В этом заключается существенное отличие.

1

2

Ил. 7. Церковь Св. Петра в Прико близ Омиша. Около 1074 г.:

1 – южный фасад (фото: С. В. Мальцева); 2 – план (по: Нешкович Ј.
Бурдџеви Ступови у старом Рагу. Краљево, 1984. С. 148)

Однако некоторые из характерных особенностей рашских храмов действительно могли быть подготовлены на приморской почве и применялись уже в качестве привычных, хорошо согласующихся с функциональными потребностями нового периода готовых решений. Полагаем, что именно привычка сербских заказчиков XII в. к однонефным храмам с трехчастным делением интерьера во многом предопределила выбор соответствующей византийской типологии, ее устойчивость и переработку. Прежде всего, эта переработка состояла в отсутствии жесткого конструктивно выраженного деления между наосом и внутренним нартексом, которые, тем не менее, были очень четко разделены функционально.

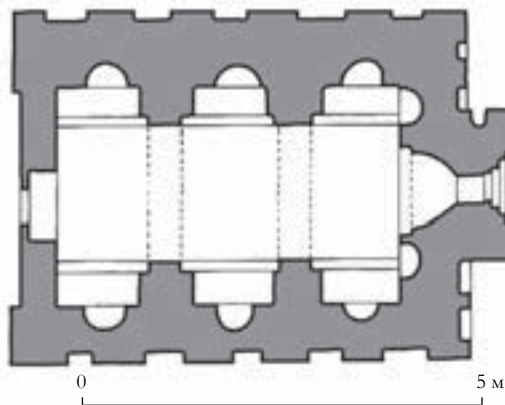
Так, в качестве примера можно привести церковь Св. Михаила в Стоне (ил. 8). Тем более интересно, что здесь сохранилась программа росписи, свидетельствующая о том, что и в храмах, принадлежащих к приморской традиции, так же как и в более поздних рашских храмах, западная ячейка была связана с ктиторской темой (см. ил. 9 на с. V цветной вклейки).

Дальнейшее закрепление этого принципа в рашских усыпальницах-задужбинах привело к явному обособлению западной трапеи как в плане ее назначения (в связи с размещением ктиторских саркофагов), так и оформления, что хорошо прослеживается в иконографических программах настенных росписей. В этой связи с точки зрения функции и системы распределения компартиментов в храмовом пространстве западную ячейку в рашской практике скорее следует рассматривать как внутренний нартекс, непосредственно к наосу не относящийся. С этого момента под наосом в сербской традиции будет пониматься только подкупольное пространство.

Показательным примером тому является церковь Св. Петра в Белом Поле (первая четверть XIII в.), архитектура которой очень близка стилистике старых приморских построек (ил. 10). Однако здесь уже, следуя рашским принципам, собственно под храмом-наосом понимается лишь совсем узкое пространство в центральной части, увенчанное

башнеобразным завершением. При этом два других несравнимо больших по размеру компартимента относятся к алтарной зоне и нартексу. В отличие от более ранних приморских построек, плановая схема находит точное отражение в наружной композиции храма.

Можно привести и другой, вероятно еще более наглядный пример, каковым является храм Вознесения монастыря Пантократора в Дечанах (середина XIV в.) (ил. 11). Этот пример тем более показателен, так как прототипом для архитектурной программы храма изначально была Студеница. В Дечанах, в условиях, отличных от рашской типологии, в храме с отдельно стоящими опорами тем не менее реализуется условное моделирование рашской системы

Ил. 8. Церковь Св. Михаила в Стоне.
Первая половина XI в. План
(по: Korać V., Šuput M. *Byzanz. Architektur und Ornamentik*. Düsseldorf; Zürich, 2000. S. 131)

функционального распределения зон внутри храмового пространства. Точкой отсчета становится наос, совпадающий с подкупольным квадратом. На уровне пола наос вместе с пространствами фланкирующих его певниц очерчен низкими мраморными плитами. Следовательно, боковые нефы с севера и юга от подкупольной зоны следует понимать уже как развитую периферийную зону. Однако даже в этих условиях, в отсутствие возможности четкого архитектурного разграничения нартексов, их расположение следует привычной для рашской традиции логике. Несмотря на то что границы внутреннего нартекса конструктивно не выявлены, здесь он безошибочно угадывается по расположению ктиторовских саркофагов, нахождение которых прямо посреди храма невозможно было бы объяснить никакими иными причинами. Единственная граница этого «прозрачного» нартекса хотя и весьма условно, но все же четко обозначена выгородкой, отделяющей его от храма-наоса. С запада граница между внутренним нартексом и экзонартексом, в рашской традиции всегда изолированным, лишь намечена парой западных опорных колонок. Экзонартекс выделяется здесь только иконографией росписи, включающей в себя изображение сцен Страшного Суда. В сербских храмах эти сюжеты всегда размещались во внешних нартексах. Последним западным компартиментом к храму примыкает еще один внешний нартекс-лито, пристроенный уже на втором этапе возведения.

Таким образом, в рашских храмах, начиная со Студеницы, сложилась устойчивая система распределения сакральных зон внутри храмового пространства, которая впоследствии окажет влияние на формирование архитектурных программ сербских храмов-задужбин.

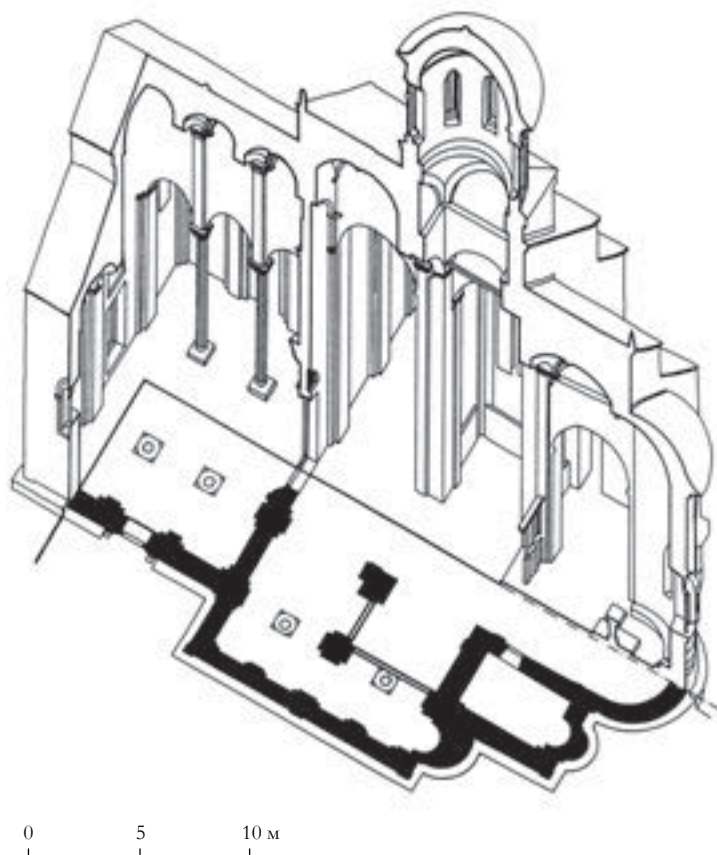
1

2

Ил. 10. Церковь Св. Петра в Белом Поле. Конец XII в.:

1 – южный фасад (фото: С. В. Мальцева);
2 – план (по: Медојевић Ј. Цркве у Бјелопольском крају. Пријеполье, 2000. С. 88. Масштаба нет)

Ил. 11. Церковь Вознесения монастыря Пантократора в Дечанах. 1335 г. Разрез и план (по: Koruć V., Šuput M. *Byzanz: Architektur und Ornamentik*. Düsseldorf ; Zürich, 2000. S. 194)

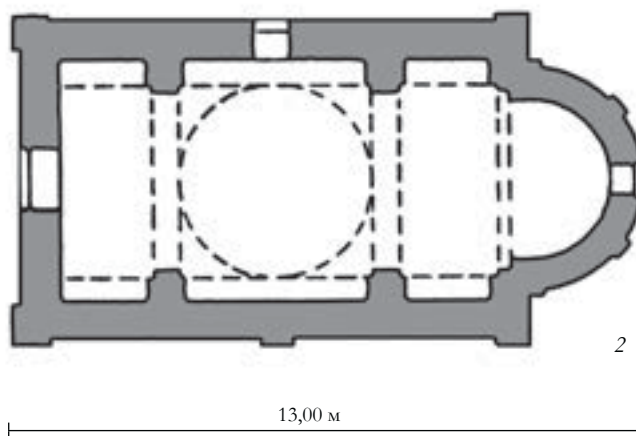
Еще одним аргументом в пользу предположения о том, что на начальном этапе развития сербской архитектуры имело место взаимодействие византийской и приморской традиций, является архитектура церкви Св. Луки в Которе (ил. 12), современная Студенице. Здесь мы видим случай обратного влияния, когда на привычную приморскую плановую схему накладывается византийская объемно-пространственная композиция. Такого рода трансформации базовой архитектурной «формулы» являются отражением сложных процессов формирования регионального архитектурного направления под влиянием местной специфики. При этом что типологическая основа Студеницкого храма, безусловно, принадлежит к византийской традиции, в данном случае она во многом сближается с давно существующей местной практикой и приобретает характерные черты.

Также и в объемно-пространственной композиции Студеницкого храма далеко не все можно свести к современной памятнику византийской архитектуре.

С одной стороны, выделение центрального ядра, увенчанного большим зонтичным куполом, характерно для Византии. Однако переход между кубом основного объема

1

2

Ил. 12. Церковь Св. Луки в Которе, около 1195 г.:
1 – вид с юго-востока (фото: С. В. Мальцева), 2 – план (по: Дероко А. С. 45^{изд})

и его купольным завершением в Студенице решен очень жестко. Это вполне возможно в средневизантийский период, особенно в тех случаях, когда основным строительным материалом является камень. Но может быть и еще одно объяснение такого редкого решения. Возможно, мастера стремились имитировать наиболее запоминающиеся черты главного храма Константинополя – Св. Софии, который также воспринимается как кубический объем, увенчанный куполом. По своему значению возведение Студеницкого храма, сербской Великой Церкви, вполне вписывается в ряд «софийных программ» византийского круга.

Связь с архитектурным образом Софии еще более ясно ощутима во внутреннем пространстве храма. В доминировании подкупольного пространства, подчиненного

широкому зонтичному куполу, в композиции оконных проемов, вписанных в полукружия верхних регистров северной и южной стен, в размещении проемов-бифор в западной части храма, вероятно, имитирующих хоры, угадывается воспроизведение идеи константинопольского прообраза.

В интерьере по сравнению с церковью Св. Николая в Куршумлии благодаря нюансам пропорциональных соотношений и стрельчатым очертаниям подпружных арок заметна тенденция к вертикальному развитию пространственной композиции. Намеченная здесь тема получит мощное продолжение в следующих после Студеницы постройках уже с развитой башнеобразной структурой.

Но существуют и такие особенности, которые невозможно свести только к византийским истокам. Наиболее ярко это проявилось в композиции трехчастной алтарной зоны. Специфика данного решения заключается в совмещении трех апсид с однонефным храмовым пространством. Также не типичным для византийской практики представляется и полуциркулярная конфигурация апсид, и композиционное решение с двумя плотно прижатыми пониженными боковыми апсидами. Несвойственный Византии, такой вариант имеет ряд аналогий в других регионах, где формирование региональных архитектурных школ сопровождалось переработкой византийских и западных традиций. В качестве лишь одного из примеров того же времени, что и Студеница, можно назвать композицию алтарной части церкви Св. Пантелеймона в Галиче.

Яркой особенностью Студеницкого храма является его каменная резьба. Однако это один из самых сложных вопросов, связанных с данным памятником, требующий отдельного, более детального исследования. Очевидно, что здесь имело место слияние романских и византийских элементов иконографии и стилистики. Однако в результате возникло весьма своеобразное явление, не имеющее точных аналогий ни в западном, ни в восточном искусстве. Для нашей темы важно, что в дальнейшем в средневековой Сербии мотивы студеницкой резьбы неоднократно будут воспроизводиться при строительстве задужбин-усыпальниц для того, чтобы подчеркнуть их связь с чтимым образцом.

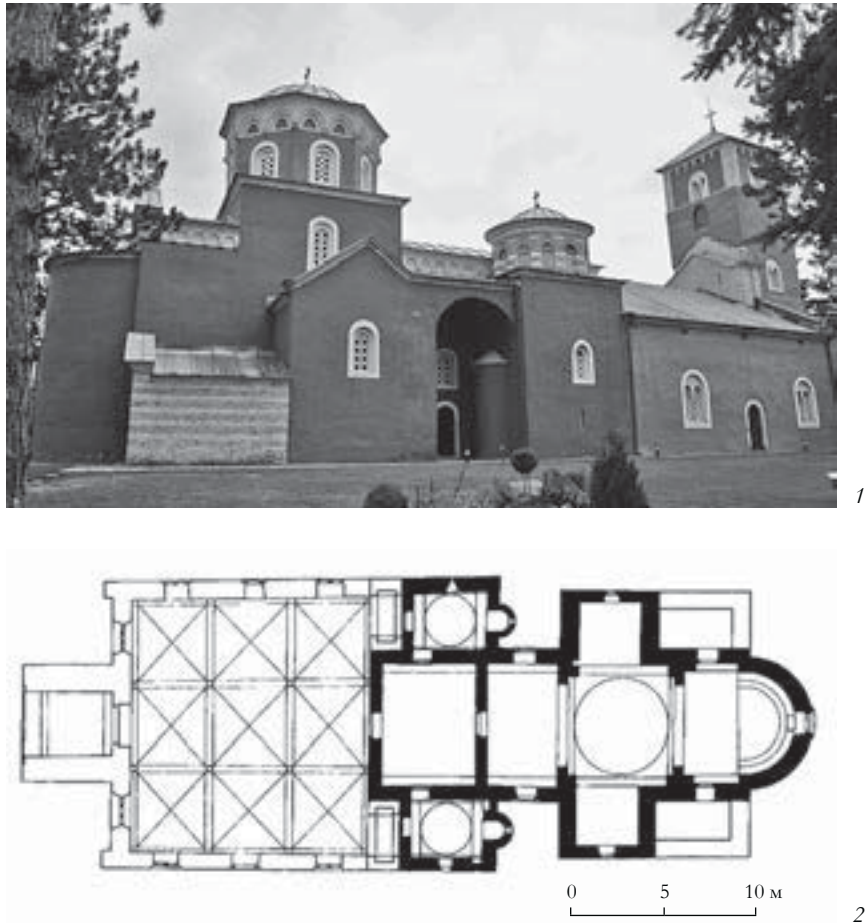
Очевидно, что основные элементы рождающейся региональной традиции и логика дальнейшего развития проявились в архитектуре Студеницкого храма уже на первом этапе. Своеобразие этой архитектурной программы коренится в возможности выбора из всего накопленного византийской и европейской архитектурой арсенала; однако воплощение найдет прежде всего то, что в большей мере отвечает условиям местной специфики.

Следующий важный этап работ в Студенице в контексте уже иной эпохи начался в 1208–1209 гг., когда была осуществлена роспись храма.

После канонизации Стефана Немани и перенесения его мощей из Хиландара в Студеницу его культ становится основой церковно-политической идеологии Сербии²⁶, которая к этому времени ощущает себя фактически независимой в церковном и политическом плане и всячески стремится подчеркнуть и аргументировать легитимность этого права²⁷. В этот момент Студеница становится предтечей архиепископского храма будущей автокефальной Сербской Церкви. Одним из проявлений этой тенденции являются сопровождающие росписи надписи, сделанные на церковнославянском языке, впервые появившиеся именно в Студенице²⁸. Культ Стефана Немани становится специфической сербской темой, с которой связаны и весьма своеобразные черты

в храмовом зодчестве. Теперь в рашских храмах обязательными становятся парекклесии²⁹, как правило, посвященные св. Николаю Мирликийскому – небесному покровителю Стефана Немани, св. Стефану Архидьякону – защитнику сербского самодержавия и самому св. Симеону Мироточивому – первому сербскому святому и основателю святородной династии. Как полагают сербские исследователи, первым примером в этом ряду является храм в Жиче³⁰ (ил. 13). Однако, по нашему мнению, истоки таких парекклесиев, отражающих процессы сложения сербской идеологии и культа Стефана Немани, должны были проявиться именно в Студенице еще в первом десятилетии XIII в., когда составляются тексты первых житий и служб св. Симеону Мироточивому, оформляется сакральный характер державной идеологии, осмысливается статус сербского правителя.

Возможно, что около 1208 г. боковые компартименты Богородичной церкви, первоначально служившие дополнительными входами, были превращены именно в такие парекклесии-певницы (см. ил. 14 на с. V цветной вклейки).

Ил. 13. Церковь Вознесения монастыря Жича (1207–1219 гг., до 1236 г.):

1 – северный фасад (фото: С. В. Мальцева), 2 – план (по: Korac V, Šuput M. *Вузанз*: *Architektur und Ornamentik*. Düsseldorf ; Zürich, 2000. S. 136)

Такое предположение позволяет высказать наличие ниш в толще восточной стены боковых вестибюлей Богородичной церкви Студеницы. До сих пор так и не было предложено какого-либо убедительного объяснения их появления. Сохранившаяся в них живопись и мраморная облицовка свидетельствуют о том, что эти ниши не были изначальными. На мраморной облицовке, выполненной одновременно с росписью храма, на высоте между 1,20 м и 1,53 м от пола хорошо видны заплатки, свидетельствующие о примыкании каких-то конструкций. Живопись в конхах ниш, поновленная в XVI в., как предполагают исследователи, во многом воспроизводит росписи 1208 г. и по своей иконографии вполне может соответствовать алтарным программам³¹. Основываясь на изображениях тронных образов Христа Пантократора и Богородицы Кириотиссы, Войслав Джурич высказал предположение о размещении здесь приделов, посвященных Христу и Богородице³². На наш взгляд, данная иконография типична для алтарных композиций и не может являться убедительным свидетельством посвящения алтарей. В числе прочих версий было высказано предположение о том, что это были проскинитарии, в сербских храмах иногда помещавшиеся в нартексах. Однако конфигурация и размеры студеницких ниш не позволили серьезно рассматривать эту гипотезу³³. Еще одним вариантом было предположение о том, что на восточной стене этих ниш были устроены водосвятные чаши³⁴. Однако аналогов в сербских храмах так и не было выявлено. Между тем устройство ниш, видимо, имело существенное значение, так как не являлось единичным случаем. Аналогичное решение, вслед за Студеницей, было осуществлено при возведении храма в Милешево. Конха южной ниши с образом Богородицы в ней (живопись до 1228 г.) даже после последующих переделок отчетливо читается в толще восточной стены. При этом милешевские боковые компартименты, также примыкающие к подкупольному квадрату, значительно расширены по сравнению со студеницкими и по своей конфигурации уже мало напоминают притворы. Несмотря на то что первоначально в них также существовали входные проемы, их открытость в подкупольный квадрат, а также уже окончательно сложившаяся к 20-м гг. XIII в. практика размещения здесь певниц свидетельствуют о том, что они не могли создаваться как притворы. Следовательно, оснований предполагать, что здесь размещались водосвятные чаши, тоже нет. Находятся и иные подтверждения тому, что здесь могли быть устроены придельные храмы. Так, например, в Богородичной церкви Градаца, архитектурная и иконографическая программа которой специально создавалась по образцу главного храма Студеницы, в единственном уцелевшем южном компартименте находим аналогичное расположение ниши в толще восточной стены. Здесь она изначально была выявлена выступающей на фасаде апсидой, что свидетельствует об ее алтарном назначении. В этой связи можно вспомнить и о некоторых особенностях более поздних построек второй половины XIV в. На восточной стене боковых конх моравских триконхов также неоднократно размещались ниши, похожие на алтарные, или трехчастные Деисусы и характерные композиции с изображениями св. Симеона Мироточивого, св. Саввы Сербского и св. Стефана Архидьякона. Тематика росписей и их расположение указывают на связь этих компартиментов с ктиторским культом и культом первых сербских святых. Примечательно, что данные особенности появляются в тот период, когда возрождение рашских традиций оказывается актуальным, а ориентация на Студеницу особенно подчеркивается. Кроме того, размещение придельных храмов-пареклесиев по сторонам от подкупольного квадрата в сербской

практике известно. Истоки его, возможно, связаны с византийскими влияниями и восходят к ранним постройкам, таким как церковь Св. Николая в Куршумлии. В ней придельный храм примыкает с южной стороны наоса³⁵. Также и на излете рашской школы (начало XIV в.), в период новых трансформаций сербской архитектуры, в храме монастыря Давидовица певницы были перестроены в придельные храмы, которые стали вновь фланкировать наос³⁶.

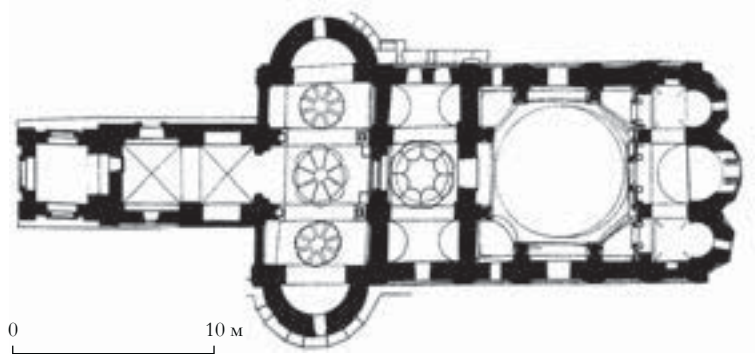
Таким образом, весьма вероятно, что ниши в вестибюлях Богородичной церкви Студеницы явились следствием устройства здесь приделов, в связи со сложением культа Симеона Мироточивого. Следовательно, не исключено, что истоки зарождения пареклесиев рашских задужбин восходят именно к Студенице, усыпальнице Симеона Мироточивого.

Дальнейшее развитие сербской темы в пареклесиях мы действительно находим в Жиче. Храм был начат еще в первом десятилетии XIII в. как задужбина Стефана Первовенчанного, но в 1219 г., в связи с важнейшими изменениями в жизни сербского государства и Церкви, первоначальный замысел был изменен³⁷. В 1217 г. Стефан получает королевскую корону³⁸, а в 1219 г. Сербская Церковь становится автокефальной³⁹. В новых условиях необходимо было найти архитектурное решение, позволяющее совместить функции архиепископского монастырского храма и задужбины-усыпальницы первого легитимного правителя. Кроме того, в Жиче, теперь главном храме Сербии, нужно было определить место для размещения самых значимых реликвий, в том числе и константинопольских святынь, собранных св. Саввой Сербским после падения византийской столицы в 1204 г.

В результате западная часть Жичского храма была расширена, и пареклесии, посвященные св. Савве Иерусалимскому (северный) и св. Стефану Архидьякону (южный), были отнесены к западу и разместились по сторонам от экзонартекса. Такой вариант, скорее всего, был подсказан автору программы, св. Савве Сербскому, архитектурой афонской Великой Лавры. В отличие от святогорских пареклесиев, в Сербии рашского периода это, как правило, только приделы без захоронений. Теперь была найдена оптимальная схема, которая затем воспроизводится в большинстве храмов рашской школы и становится одной из отличительных черт сербских церквей.

Закономерно, что эта новая схема находит свое воплощение в Радославовом нартексе Студеницкого храма, пристроенном в 1234 г., который в функциональном плане представляет собой лити с аркосолием для ктиторского погребения и с двумя придельными храмами, расположенными в примыкающих по сторонам конхах. Отличительной особенностью Радославова нартекса являются сильно выступающие боковые экседры, в которых и разместились пареклесии. Обращает на себя внимание, что выбран был именно такой вариант, который в рашский период больше встречаться не будет.

Весьма странно, что в данном конструктивном решении происходит отход от жичской схемы по святогорскому образцу, тогда как ориентация на Афон подчеркивается в других деталях – таких, например, как красный цвет штукатурки, покрывающий барабан купола Студеницы (на фреске около 1234 г. уже изображен красным). Ориентация на Афон была одной из важнейших тенденций в сербской культуре того времени. Перенесение мощей св. Симеона Мироточивого из Хиландара в Студеницу, осуществленное св. Саввой в 1207 г., навсегда связало прочными нитями этот монастырь с Афоном. Кроме того, время возведения Радославова нартекса совпадает

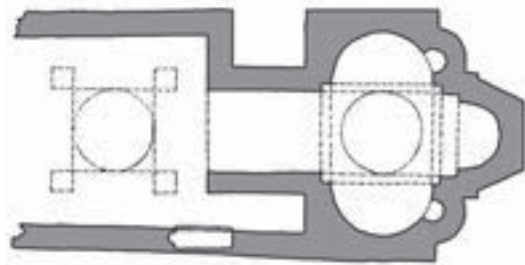

Ил. 15. Неа Мони на Хиосе. XI в. План (по: Korac V, Šuput M. *Byzanz: Architektur und Ornamentik*. Düsseldorf; Zürich, 2000. S. 55)

с первыми письменными упоминаниями Студеницы как «Сербской Великой Лавры» или как «Великой Лавры Св. Симеона»⁴⁰. Возникает вопрос: чем обусловлен выбор именно такого конструктивно-композиционного решения, не похожего ни на афонские, ни на рашские образцы?

Близкие в архитектурном плане аналогии Радославову нартексу известны и в византийской практике. Достаточно привести в качестве примера церкви Неа Мони (ил. 15) и Асину со сходными формами экседры в нартексе. Ширина территориального распространения этой схемы, возможно, свидетельствует о ее столичном происхождении. Полукруглые завершения по сторонам нартексов свойственны множеству константинопольских построек средневизантийского периода, в том числе монастырских. Это, вероятно, родственные Студенице явления. Однако все же трудно предположить, что между этими памятниками и сербскими храмами существовала прямая связь. Тем более имеется и существенное отличие: в Студенице это отдельные замкнутые компартименты. Как кажется, данное отличие объясняется именно особым назначением этих компартиментов, в чем проявляется сербская специфика. Возможно, не противореча византийским нормам, это решение снова было подсказано местной традицией.

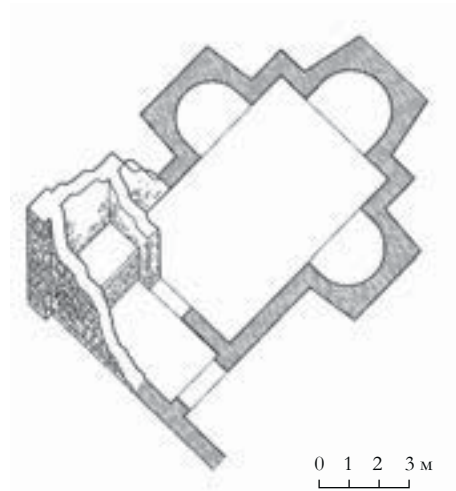
Данная конфигурация определенно напоминает триконхи, которые на Балканах чаще всего ассоциировались с храмами-усыпальницами. Эта традиция восходит к раннехристианской эпохе и развивается в средневизантийский период. Форму триконхов имели охридские церкви-усыпальницы последователей Кирилла и Мефодия (ил. 16), особо почитаемых в качестве славянских святителей. Впоследствии в границах территорий, объединенных в составе Первого Болгарского царства, в X–XI вв. триконхи находят

Ил. 16. Церковь Св. Наума в Охриде IX в. План (по: Грозданов Ц. *Свети Наум Охридски*. Скопје, 1995. С. 29)

распространение и в сербских землях. Возможно, боковые конхи Студеницы также были связаны с чтимыми образцами. Апелляция к местной традиции представляется особенно актуальной в условиях утверждения сербской автокефалии и в отстаивании авторитета Сербской Церкви перед Охридской архиепископией.

Триконхом была и усыпальница жупана Десы (ил. 17), правившего в середине XII в., то есть непосредственного предшественника Стефана Немани. Последний, являясь правителем приморских земель, ловко использовал династические раздоры и захватил Зету, Требинье и Захумье, а между 1162 и 1165 гг. уже утвердился великим жупаном Рашки. Неманю и Десу многое связывало: и статус правителя, и стремление к объединению сербских земель, и происхождение⁴¹. Усыпальница Десы – церковь

Ил. 17. Церковь Св. Павла монастыря Св. Петра в Требинье. Середина XII в. План (по: Поповић Д. С. 20^{Б42})

Св. Павла монастыря Св. Петра в Требинье – строилась в середине XII в. как второй храм монастыря. Хотя в этой постройке боковые экседры не выявлены снаружи, ее, несомненно, следует классифицировать как триконх. Возможно, выбор этой плановой схемы также был обусловлен древними охридскими традициями и, в свою очередь, подготовил композиционное решение Студеницкого храма.

Напомним, что в архитектурной программе Радославова нартекса заметны прочные связи с приморской традицией, нашедшие отражение и в конструкции, и в стилистике⁴². Князь Радослав – внук Немани – унаследовал приморские земли и, по всей видимости, прислал в Студеницу своих мастеров. Следовательно, влияние приморских традиций в данном случае объяснимо и закономерно.

* * *

Итак, мы попытались рассмотреть и по возможности объяснить появление в архитектуре Студеницкой церкви некоторых своеобразных элементов, которые впоследствии стали отличительными чертами построек рашской школы. Перечислим их еще раз: это безусловное доминирование купольного однефного центрального храма типа слабо выраженного креста, вытянутого по оси восток–запад; подчеркнутое трехчастное деление пространства в интерьере с разделением функций каждого компартимента; трехчастное решение алтарной зоны при однефной структуре постройки; выделение центрального ядра в объемно-пространственной композиции; расширенная западная часть с присоединенными к ней придельными храмами; наличие каменного резного декора, в котором на основе соединения западных и восточных традиций сложилась своя собственная программа. Проведенный нами анализ данных архитектурных особенностей позволяет прийти к выводу о том, что

в Студеничком храме сложился своеобразный идеальный тип сербской задужбины-усыпальницы, получивший последующее развитие в архитектуре рапской школы и доминировавший до конца XIII в. В дальнейшем к нему обращались всегда, когда необходимо было подчеркнуть особый статус и национальный характер сербских построек.

- ¹ *Калић Ј.* Студеничко време српске историје // Студеница и византијска уметност око 1200. године : Међународни научни скуп поводом 800 година манастира Студенице и стогодишњице САНУ: Септембар 1986. Београд, 1988. С. 33. Ср.: *Кашанин М., Чанак-Медић М., Максимовић Ј., Тодић Б., Шаќота М.* Манастир Студеница. Београд, 1986. С. 15, 29, 30.
- ² *Максимовић Љ.* О години преноса Немањиних моштију у Србију // *Максимовић Љ.* Византијски свет и Срби. Београд, 2008. С. 305–312.
- ³ *Бабић Г., Кораћ В., Ђирковић С.* Студеница. Београд, 1986. С. 53.
- ⁴ *Millet G.* L'ancien art serbe. Les églises. Paris, 1919. P. 55; *Ђероко А.* Монументална и декоративна архитектура у средњовековној Србији. Београд, 1985. С. 47–67; *Петковић В.* Манастир Студеница. Београд, 1924; *Непадовић С. М.* Студенички проблеми : Испитивања и рестаураторско-конзерваторски радови у периоду од 1952 до 1956 године. Како је изгледала Радослављева припрата и шта се догодило са њеним фрескама // Саопштења. 3. Београд, 1957; *Бошковић Ђ.* Архитектура средњег века. Београд, 1967. С. 284–286; *Радан-Јовин М.* Студеница // Саопштења. 12. Београд, 1979; *Кораћ В., Шупут М.* Архитектура византијског света. Београд, 2005. С. 239–246; *Чанак-Медић М., Бошковић Ђ.* Архитектура Немањиног доба. Књ. 1. Београд, 1986. Књ. 2. Београд, 1989; *Кашанин М. и др.* Манастир Студеница...; *Бабић Г., Кораћ В., Ђирковић С.* Студеница...
- ⁵ Студеница и византијска уметност око 1200. године; Стефан Немања – Свети Симеон Мироточиви. Историја и предање : Међународни научни скуп. Септембар 1996. Београд, 2000; Осам векова Студенице – зборник радова. Београд, 1986; Сава Немањић – Свети Сава. Београд, 1979; Свети Сава : Споменица поводом осамстогодишњице рођења 1175–1975. Београд, 1977.
- ⁶ *Кашанин М. и др.* Манастир Студеница... С. 15; *Јакобсон А. А.* Закономерности в развитии средневековой архитектуры IX–XV вв. Л., 1987. С. 93, 94.
- ⁷ *Шупут М.* Богородичина црква у Студеници као култна грађевина у оквиру византијске архитектуре свога времена // Студеница и византијска уметност око 1200. године. С. 139–145; *Максимовић Љ.* Византијски свет... С. 117.
- ⁸ *Кораћ В.* Једнобродна црква са куполом у византијској архитектури XI и XII века // *Кораћ В.* Између Византије и Запада : Одабране студије о архитектури. Београд, 1987. С. 85.
- ⁹ *Кашанин М. и др.* Манастир Студеница... С. 15; *Јакобсон А. А.* Закономерности в развитии... С. 93, 94. Ср.: *Шупут М.* Богородичина црква у Студеници... С. 139–145; *Максимовић Љ.* Византијски свет... С. 117.
- ¹⁰ *Шупут М.* Богородичина црква у Студеници... С. 139–145; *Максимовић Љ.* Византијски свет... С. 117.
- ¹¹ *Кашанин М. и др.* Манастир Студеница... С. 15, 29, 30; *Калић Ј.* Европа и Срби. Средњи век. Београд, 2006. С. 239, 240.
- ¹² *Чанак-Медић М.* Једна претпоставка о Немањином надгробном споменику // Осам векова Студенице... С. 167; *Поповић Д.* Гроб светог Симеона у Студеници // Осам векова Студенице... С. 155–166.
- ¹³ *Бошковић Ђ.* Студеница. Осврт на њену генезу и њене корене // Студеница и византијска уметност... С. 131.
- ¹⁴ *Благојевић М.* Студеница-манастир заштитница српске државе // Студеница и византијска уметност... С. 58, 59.
- ¹⁵ *Максимовић Љ.* Византијски свет... С. 115, 116; *Ферјанчић Б.* Када се Евдокија удала за Стефана Немањића // Зборник философског факултета. 8/1. Београд, 1964. С. 217–223; *Ласкарис М.* Византиске принцезе у средњовековној Србији. Београд, 1926. С. 7–38.

- ¹⁶ Христу П. К. Манастир Пресвете Богородице Евергетидске у Цариграду // Осам векова Студенице... С. 69–73.
- ¹⁷ Радојичић Ђ. *Сп.* Зашто је Студенца посвећена Св. Богородици Благодетелници (Евергетиди) // Богословље. 10–11. Београд, 1936. С. 3–10.
- ¹⁸ Петровић М. М. Студенички типик и самосталност српске цркве. Београд, 1986. С. 11–15.
- ¹⁹ Ђурић В. Преокрет у уметности Немањиног доба // Историја Српског народа. Кн. 1. Београд, 1981. С. 275; Шупут М. Цариградски извори архитектуре цркве Св. Николе у Куршумлији // Стефан Немања – Свети Симеон Мироточиви... С. 171–178; Кораћ V. Les églises à nef unique avec une coupole dans l'architecture byzantine des XI et XII siècles // Зограф. 8. Београд, 1977. С. 10–14; Вуловић Б. Црква светог Николе код Куршумлије // Зборник Архитектонског факултета. 3. Београд, 1957. С. 3–21.
- ²⁰ Ферјанчић Б. Стефан Немања у византијској политици друге половине XII века // Стефан Немања – Свети Симеон Мироточиви... С. 32–35.
- ²¹ Оустерхаут Р. Византијски строители. Киев ; М., 2005. С. 138, 139.
- ²² Љубинковић М. Искораванја комплекса цркве Светог Николе код Куршумлије // Археолошки преглед. 10. Београд, 1968. С. 188–192.
- ²³ Ненадовић С. М. Архитектура у Југославији од IX–XVIII века и главни споменици народа Југославије изван њених граница. Београд, 1980. С. 15–19; Дероко А. Монументална и декоративна архитектура... С. 33–45.
- ²⁴ Ђирковић С. М. Срби међу европским народима. Београд, 2004. С. 34.
- ²⁵ Марасовић Т. Бизантинска компонента у архитектури Далмације од 11. до 13. столећа [Summary] // Студеница и византијска уметност око 1200. године. С. 462; Дероко А. Монументална и декоративна архитектура... С. 54. Подробно о проблеме см.: Кораћ В. О природи обнове и првцима развитка архитектуре у раном средњем веку у источним и западним областима Југославије. Почети монументалне архитектуре у Рашкој // Кораћ В. Између Византије и Запада : Одабране студије о архитектури. Београд, 1987. С. 18–20.
- ²⁶ Калић Ј. Европа и Срби. Средњи век. С. 242, 243.
- ²⁷ Петровић М. М. Студенички типик и самосталност српске цркве. Београд, 1986. С. 22–41.
- ²⁸ Ђирковић С. М. Православна црква у средњовековној српској држави // Српска православна црква 1219–1969. Споменица о 750-годишњици аутокефалности. Београд, 1969. С. 36–51.
- ²⁹ Кораћ В. Свети Савва и програм Рашког храма // Кораћ В. Између Византије и Запада... С. 150.
- ³⁰ Кашанин М., Бошковић Ђ., Мијовић П. Жича. Београд, 1969. С. 67.
- ³¹ Кашанин М. и др. Манастир Студеница... С. 146–149, 162–167; Гавриловић З. Живопис вестибила Богородичине цркве у Студеници. Избор тема и симболика // Студеница и византијска уметност... С. 185, 186.
- ³² Ђурић В. Ј. Црква Св. Петра у Богданци и њене фреске // Зограф. 16. Београд, 1985. С. 31–36; Ристић В. Моравска архитектура. Крушевац, 1996. С. 59.
- ³³ Кораћ V. Les églises à nef unique... С. 12.
- ³⁴ Кашанин М. и др. Манастир Студеница... С. 49.
- ³⁵ Љубинковић М. Искораванја комплекса... С. 88–192.
- ³⁶ Чанак-Медић М. Да ли је Давидовица изгледала као гробне цркве Немањића // Саопштења. 13. Београд, 1981. С. 67–75.
- ³⁷ Кашанин М., Бошковић Ђ., Мијовић П. Жича... С. 89.
- ³⁸ Ђирковић С. М. Срби међу европским народима... С. 40–43.
- ³⁹ Там же. С. 43–48.
- ⁴⁰ Благојевић М. Студеница – манастир заштитника српске државе // Студеница и византијска уметност... С. 53, 54.
- ⁴¹ Поповић Д. Српски владарски гроб у средњем веку. Београд, 1992. С. 22.
- ⁴² Ненадовић С. М. Студенички проблеми... С. 79–84.